

Из[ю]мов М. П. Новое учебное пособие по основному богословию [Рец. на:] *Николин И.* Курс основного богословия или Апологетики. Сергиева Лавра, 1904 // Богословский вестник 1905. Т. 2. № 4. С. 819–830 (3-я пагин.).

Новое учебное пособие по Основному богословию.

«Замѣтка о книгѣ г. Ив. Николина „Курсъ Основного богословія или: Апологетики“. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1904».

Въ виду всѣми признаннаго и въ печати не разъ уже отмѣченнаго неудовлетворительнаго состоянія семинарскихъ учебниковъ по богословскимъ предметамъ, нельзя не привѣтствовать всякой новой попытки, направленной къ улучшенію этого дѣла и къ облегченію труда какъ по преподаванію этихъ важныхъ и отвѣтственныхъ предметовъ семинарскаго курса, такъ и по усвоенію ихъ учениками богословскихъ классовъ.

Вопреки недавно выраженному на страницахъ Церковнаго Вѣстника пожеланію, чтобы „профессора нашихъ академій посвятили свои силы и время составленію (для семинарій) учебниковъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ“ этого рода литературы (см. въ № 39 статью „Объ учебникахъ по богословіямъ“), мы думаемъ, что взятыя за это нелегкое дѣло съ гораздо большей надеждой на успѣхъ могли бы сами преподаватели духовныхъ семинарій,—не тѣ, конечно, которые, едва успѣвши просидѣть на своей кафедрѣ два три года, уже мечтаютъ о составленіи учебника, какъ предпріятіи явно доходномъ и выгодномъ, а тѣ, которые долгое время преподаваніе соединяютъ съ усерднымъ домашнимъ занятіемъ своимъ предметомъ. Считаемъ ихъ болѣе пригодными для этого дѣла не потому, чтобы сомнѣвались въ ученой компетенціи профессоровъ нашихъ академій, а въ силу того глубокаго убѣжденія, что однихъ познаній въ предметъ своей специальности еще недостаточно для того, чтобы съ легкимъ сердцемъ взятыя за составленіе учеб-

ника по этому предмету. Для составленія учебника не мѣнѣе важно имѣть познаніе ученической натуры, склада ея ума и степени средней воспримчивости, иначе говоря, нуженъ извѣстный педагогическій опытъ, который дается только личнымъ обращеніемъ съ учениками и замѣнить котораго не въ состояніи никакая ученость. Изъ года въ годъ преподавая свой предметъ, наставникъ его не только самъ имѣетъ возможность приобрѣсти познанія въ своемъ предметѣ, но и провести ихъ, такъ сказать, сквозь призму ученическаго пониманія и наглядно видѣть, что и какъ преломляется въ сознаніи учениковъ,—что усвоится ими легко и отчетливо и что, превышая ихъ силы, создаетъ для нихъ затрудненія.

Только что высказанныя соображенія заставляютъ насъ съ особеннымъ интересомъ отнестись къ недавно вышедшему изъ печати учебному курсу по Основному богословію преподавателя Виѣанской духовной семинаріи Пвана Николіна (полное заглавіе книги см. въ началѣ). Г. Николіинъ уже не новичекъ въ своемъ дѣлѣ. Съ его статьями по Основному богословію, составляющими плодъ его занятій этимъ предметомъ и преподаванія его въ Виѣанской семинаріи, должны быть знакомы читатели различныхъ духовныхъ журналовъ (Душеполезное Чтеніе, Вѣра и Церковь, Московск. Церк. Вѣд. и др.), въ которыхъ онъ печатался за послѣдніе годы и откуда онъ большею частію цѣликомъ занесены авторомъ въ составъ только что изданнаго курса.

По нашему мнѣнію, г. Николіну должна быть вмѣнена въ заслугу уже самая рѣшимость выступить съ своимъ учебнымъ курсомъ по такому предмету, по которому, за все время его продолжительнаго существованія въ семинаріяхъ, не появлялось ни одного учебнаго пособия, кромѣ появившагося почти при самомъ введеніи этой науки въ составъ семинарскихъ предметовъ учебнаго руководства архимандрита (впослѣдствіи епископа) Августина, съ тѣхъ поръ и доселѣ безраздѣльно царившаго на урокахъ IV и V классовъ по Основному богословію. Фактъ этотъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ не ради того, чтобы вызвать въ читателяхъ сомнѣніе въ благовременности и пользѣ составленія и изданія новыхъ учебныхъ пособій по Основному богословію въ замѣну стараго учебнаго руководства Августина. Но

если въ этомъ отношеніи судьбу Основнаго богословія сопоставить съ судьбой другого близкаго ему учебнаго предмета семинарскаго курса, именно Нравственнаго богословія, гдѣ неудовлетворительность стараго учебника прот. Солярскаго вызвала цѣлый рядъ новыхъ учебныхъ пособій и руководствъ, то различіе это невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Очевидно, должны быть какія-то особенныя и, безъ сомнѣнія, серьезныя причины, вызвавшія такія многочисленныя попытки къ замѣнѣ учебника Солярскаго и оставлявшія столь долгое время руководство Августина внѣ всякой конкуренціи. Одна изъ причинъ этого явленія, безъ сомнѣнія, заключается въ сравнительной трудности составленія учебника по Основному богословію. Вотъ почему мы и готовы самую рѣшимость г. Николина выступить съ своимъ курсомъ въ качествѣ конкурента учебному руководству Августина вмѣнить ему въ заслугу.

Теперь попытаемся показать, что новаго даетъ этотъ новый курсъ апологетики по сравненію съ прежнимъ руководствомъ по этому предмету и въ какомъ отношеніи это новое находится къ старому.

Свою книгу г. Николинъ начинаетъ заявленіемъ, что курсъ его составленъ примѣнительно къ семинарской программѣ по Основному богословію. Такое утвержденіе намъ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ. Оно, пожалуй, и вѣрно, если на программу смотрѣть какъ на сумму извѣстнаго количества отдѣловъ и параграфовъ, въ которой, какъ и во всякой суммѣ, отъ такой или иной комбинаціи или перестановки отдѣльныхъ частей общее, т.-е. сумма, не измѣняется. Но если имѣть въ виду, что программа представляетъ изъ себя органически-связную и цѣльную систему, въ которой всѣ отдѣльныя части выходятъ изъ одной общей идеи и въ своемъ построеніи и расположеніи слѣдуютъ извѣстному плану, опредѣляемому этой руководящей идеей, то „примѣнимость“ новаго курса къ семинарской программѣ должна быть признана лишь относительной. При такомъ взглядѣ на программу всякая „перестановка отдѣловъ“ и „иное расположеніе учебнаго матеріала“ могутъ показаться не просто лишь „отступленіями“ отъ нея, — отступленіями, которыя еще могли бы быть оправданы „соображеніями педагогиче-

скаго характера“,—но и разрушеніемъ цѣлостности той идеи, которая положена въ основу всей программы.

Планъ, по которому составлена программа Основного богословія и согласно котораго распределяется учебный матеріалъ въ руководство Августина, представляется намъ весьма естественнымъ и понятнымъ.

Такъ какъ главная задача науки Основного богословія полагается въ томъ, чтобы доказать истинность и богооткровенный характеръ христіанской религіи, а эта послѣдняя, разсматриваемая со стороны субъективной, представляетъ собою обнаруженіе общечеловѣческаго религіознаго генія или инстинкта, то трактату о христіанской религіи, какъ исторической дѣйствительности, естественно было предпослать изслѣдованіе о религіи вообще,—о религіи, какъ психологической проблемѣ.

Изъ разбора различныхъ рационалистическихъ мнѣній по вопросу о происхожденіи и природѣ религіи и сопоставленія ихъ съ библейскими данными по этому вопросу, какъ конечный выводъ, должно вытекать то положеніе, что религія, имѣя свои глубочайшіе корни въ самой духовной природѣ чловѣка, для своего фактическаго обнаруженія нуждалась во внѣшнемъ воздѣйствіи Божества на чловѣка, иначе говоря, нуждалась въ откровеніи. Такъ самъ собою намѣчается второй отдѣлъ въ системѣ науки Основного богословія,—отдѣлъ объ Откровеніи. Здѣсь еще нѣтъ мѣста какимъ-нибудь подробностямъ о христіанской религіи, ея свойствахъ и содержаніи. Здѣсь должно быть дано лишь общее понятіе о сверхъестественномъ откровеніи и точно указаны признаки, по которымъ можно было бы отличить истинное Божественное Откровеніе отъ всякаго ложнаго, притязательно выдающаго себя за истинное. Этотъ отдѣлъ имѣетъ весьма большое значеніе въ общей системѣ науки Основного богословія. Здѣсь устанавливается критерій для рѣшенія основнаго вопроса всей науки,—вопроса о томъ, какая изъ множества существующихъ религіи есть истинная, основанная на Божественномъ Откровеніи. Внутренніе и внѣшніе признаки истиннаго Откровенія и составляютъ, выражаясь грубо, ту мѣрку, которою изслѣдователь долженъ руководиться при опредѣленіи достоинства той или другой исторически извѣстной религіи. Какъ истинность христіан-

ской религіи доказывается на основаніи присутствія въ ней всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ признаковъ сверхъестественнаго Откровенія, такъ и ложный характеръ всѣхъ прочихъ религіи можетъ быть доказанъ (и доказывается) отсутствіемъ въ нихъ тѣхъ свойствъ и качествъ, какими должно обладать Божественное Откровеніе. Такимъ образомъ, важное значеніе отдѣла объ Откровеніи въ системѣ Основнаго богословія открывается изъ того, что имъ опредѣляется планъ и построеніе каждаго изъ послѣдующихъ отдѣловъ. Задача науки будетъ выполнена, т.-е. истинность христіанской религіи будетъ оправдана, если будетъ доказано, что она обладаетъ всѣми признаками истиннаго Божественнаго Откровенія. Послѣдующіе въ системѣ Основнаго богословія отдѣлы и ведутъ именно къ этой цѣли. При этомъ соотвѣтственно тому, что и само Божественное Откровеніе въ своемъ историческомъ развитіи пережило двѣ главныя фазы — ветхозавѣтную и новозавѣтную, — и доказательства истинности христіанскаго Откровенія распадаются на два болѣе или менѣе обширныхъ отдѣла, при чемъ оба они имѣютъ совершенно одинаковое внѣшнее построеніе. Истинность ветхозавѣтной религіи, какъ и новозавѣтной, доказывается сначала на основаніи внутреннихъ признаковъ, замѣтвемыхъ изъ самаго содержанія Откровенія (высота вѣроученія и правоученія), а потомъ на основаніи внѣшнихъ признаковъ, каковы чудеса, пророчества и др. Такая схема важнѣйшихъ отдѣловъ въ наукѣ Основнаго богословія имѣетъ по нашему мнѣнію, то достоинство, что тотъ, кто ясно и отчетливо усвоитъ ее себѣ, сможетъ уже совершенно безошибочно опредѣлить мѣстоположеніе и важность въ общей системѣ науки каждой ея детали, каждаго частнаго вопроса.

Совсѣмъ иное расположеніе отдѣловъ и другая группировка учебнаго матеріала наблюдаются въ курсѣ г. Николаина. Объ этомъ и самъ онъ предупреждаетъ своихъ читателей, говоря, что въ курсѣ четвертаго класса у него „сгруппировано все, что относится къ ученію объ Откровеніи, а въ курсѣ V-го класса—все, что относится къ вопросу о религіи и религіяхъ“ (стр. 4). Отступая отъ общепринятой въ семинаріяхъ программы, нашедшей себѣ въ свое время полное отраженіе въ учебномъ руководствѣ Августина, авторъ ново-

изданнаго курса руководился, какъ онъ говоритъ, „соображеніями педагогическаго характера“. Значенія и силы нѣкоторыхъ изъ этихъ соображеній отрицать невозможно. Такъ, напр., невозможно отрицать того, что „курсъ IV-го класса является непосильнымъ для учениковъ вслѣдствіе ихъ малаго знакомства съ философіей“. Но въ то же время нельзя не замѣтить, что недостатокъ этотъ относится не къ самой программѣ, принятой для семинарій, а къ условіямъ ея школьнаго выполненія и практическаго осуществленія. Измѣнятся эти условія (такъ напр., если бы изученіе Основнаго богословія было отодвинуто на годъ позднѣе, какъ о томъ усиленно говорили и писали еще совсѣмъ недавно по поводу давно ожидаемой реформы нашихъ духовныхъ семинарій), и только что представленное педагогическое соображеніе потеряетъ свою силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряетъ свой смыслъ и сдѣланная на основаніи его перестановка отдѣловъ науки Основнаго богословія. Впрочемъ, пока эта перестановка вытекаетъ изъ наличныхъ условій преподаванія этой науки и отвѣчаетъ несомнѣнно ощущаемой потребности упростить курсъ IV-го класса, до тѣхъ поръ она сохранитъ свое дидактическое значеніе.—Но далеко не въ такой же мѣрѣ обоснованными намъ представляются другія отступленія отъ семинарскаго программы по Основному богословію, сдѣланныя авторомъ разбираемаго курса въ расположеніи и группировкѣ учебнаго матеріала. Всего больше ихъ допущено, кажется, въ отдѣлѣ объ Откровеніи. „Этому отдѣлу въ семинарскаго программѣ“, пишетъ г. Николинъ въ своихъ предварительныхъ объясненіяхъ, „недостаётъ систематичности и цѣльности. Такъ, напр., о чудесахъ, какъ признаковъ Откровенія, говорится тамъ въ трехъ мѣстахъ: въ отдѣлѣ собственно объ Откровеніи, гдѣ дается общее понятіе о чудѣ, а затѣмъ въ отдѣлѣ о ветхозавѣтной религіи, гдѣ говорится о чудесахъ Ветхаго Завѣта, и въ отдѣлѣ о новозавѣтной религіи, гдѣ говорится объ евангельскихъ и апостольскихъ чудесахъ“. Если угодно, объ этомъ говорится даже не въ трехъ мѣстахъ, а въ четырехъ. Четвертый разъ говорится о нихъ въ отдѣлѣ о внѣ христіанскихъ религіяхъ, гдѣ съ точки зрѣнія понятія объ истинномъ чудѣ разсматриваются чудеса этихъ религіи и доказывается ихъ призрачный, неистинный характеръ. И все же намъ не кажется, чтобы

черезъ это отдѣлу объ Откровеніи въ семинарской программѣ не доставало систематичности. Систематичность здѣсь опредѣляется не скученностію всего относящагося къ этому вопросу матеріала въ одномъ отдѣлѣ, а стройнымъ порядкомъ его, опредѣляемымъ основной мыслью всей системы науки Основного богословія. „Раздробленность матеріала“, если она не нарушаетъ стройности общей системы, не можетъ сама по себѣ вызывать спутанности въ понятіяхъ.

Точно такъ же, если „вопросъ объ источникахъ Откровенія разсматривается не въ общемъ отдѣлѣ объ Откровеніи, а занимаетъ самостоятельное мѣсто послѣ трактатовъ о ветхозавѣтной и новозавѣтной религіяхъ“, то и въ этомъ мы готовы видѣть не недостатокъ программы, а наиболѣе цѣлесообразное расположеніе отдѣльныхъ частей науки, опредѣляемое существомъ и задачей этой науки. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждать о томъ, гдѣ и какъ сохраняется истинное Божественное Откровеніе въ христіанской религіи, казалось бы, можно не прежде, какъ доказавши, что эта религія дѣйствительно основана на сверхъестественномъ Откровеніи. Помѣщать же трактатъ о способахъ сохраненія Божественнаго Откровенія въ церкви христіанской впереди трактата объ истинности самой христіанской религіи не значитъ ли сбивать Основное богословіе на путь прочихъ богословскихъ дисциплинъ, отъ которыхъ оно тѣмъ существенно и отличается, что тогда какъ во всѣхъ богословскихъ наукахъ истинность христіанской религіи принимается на вѣру, въ Основномъ бог. она составляетъ предметъ изслѣдованія и научнаго оправданія и потому является лишь въ качествѣ заключительнаго вывода изъ всей науки.

Но не будемъ умалять значенія и силы тѣхъ „педагогическихъ соображеній“, которыми руководился г. Николинъ, давая новую группировку учебнаго матеріала и иначе располагая отдѣльныя части курса науки Основного бог. Какимъ могутъ быть практическія послѣдствія произведенныхъ имъ перемѣнъ и допущенныхъ отступленій отъ семинарской программы?—Ни для кого, конечно, не тайна, что разнаго рода педагогическія соображенія и всякія личныя усмотрѣнія преподавателя далеко не всегда находятъ себѣ сочувственную встрѣчу со стороны тѣхъ лицъ, которымъ ввѣренъ контроль надъ его преподаваніемъ. А при этомъ условіи допу-

шенная въ курсѣ г. Николина нѣкоторыя отступленія отъ общепринятой программы не послужатъ-ли только лишнимъ препятствіемъ къ распространенію его курса и не создадутъ ли нѣкоторыхъ затрудненій преподавателю, который пожелалъ бы воспользоваться новымъ курсомъ въ качествѣ учебнаго руководства? Подобная перспектива была бы тѣмъ болѣе прискорбна, что по своимъ научнымъ достоинствамъ курсъ нашего автора вполне заслуживаетъ быть принятымъ въ этомъ качествѣ. Впрочемъ, говоря объ этомъ, мы, кажется, уже слишкомъ отклоняемся въ сферу чисто издательскихъ интересовъ составителя новаго курса.

Все до сихъ поръ сказанное касается собственно внѣшней или формальной стороны разбираемаго нами курса. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о матеріальной сторонѣ, т. е. о самомъ содержаніи этого курса. Съ этой стороны, книга г. Николина производитъ самое лучшее впечатлѣніе и стоитъ неизмѣримо выше прежняго руководства Августина. Писанный на скорую руку, по программѣ, тогда только что еще введенной въ семинаріяхъ, этотъ послѣдній представлялъ изъ себя работу, если можно такъ выразиться, наполовину чисто мозаическую, состоящую въ укладкѣ болѣе или менѣе обширныхъ заимствованій изъ весьма немногихъ первоисточниковъ (статьи проф. Кудрявцева, Апологетика прот. Рождественнаго, „Введеніе“ преосв. Макарія и др.). Высокое достоинство этихъ первоисточниковъ могло служить нѣкоторымъ оправданіемъ въ такомъ пользованіи ими со стороны составителя перваго курса; но не всегда толковая ихъ передача и очень часто неискusstvenное ихъ сокращеніе, съ явнымъ ущербомъ для смысла, должны быть отнесены къ недостаткамъ этой работы. Въ недавнее время нѣкоторое улучшеніе въ ней произвелъ преподаватель Московской дух. семинаріи г. Никитскій, наполнившій кое-гдѣ пробѣлы въ изложеніи арх. Августиномъ своихъ первоисточниковъ и самое изложеніе сдѣлавшій по мѣстамъ болѣе толковымъ и удобопонятнымъ, такъ что въ послѣднихъ своихъ изданіяхъ курсъ Августина служилъ довольно сноснымъ учебнымъ руководствомъ. При всемъ томъ вся обширная апологетическая литература послѣдней четверти минувшаго столѣтія прошла для него почти совершенно безслѣдно. А между тѣмъ за это время разработка вопросовъ Апологетики подвинулась

весьма значительно вперед; появилось не только множество журнальных статей по вопросам этой науки, но и весьма ценныя монографіи и даже цѣлые курсы. Конечно, отъ учебника по богословію (какъ, впрочемъ, и отъ всякаго другого) нельзя ожидать новизны и оригинальности содержанія, но мы въ правѣ желать и даже требовать отъ него, чтобы онъ стоялъ на уровнѣ современной ему постановки и разрѣшенія научныхъ вопросовъ, чтобы освѣщеніе ихъ въ учебномъ курсѣ вполне соответствовало разработкѣ ихъ въ общей богословской литературѣ. Насколько это требованіе было принято во вниманіе г. Николинымъ при составленіи своего курса, можно видѣть изъ того, что отдѣлы наиболѣе слабыя въ учебникѣ Августина вышли одними изъ самыхъ лучшихъ въ книгѣ г. Николина. Трудно указать въ старомъ учебникѣ отдѣлъ менѣе удовлетворительный, чѣмъ тотъ, который посвященъ обзору языческихъ и вообще внѣ-христіанскихъ религій. Но этотъ же самый отдѣлъ представляетъ едва ли не лучшія страницы въ курсѣ г. Николина. Характеристика каждой религіи представляетъ изъ себя совершенно цѣльный и вполне законченный этюдъ. И едва ли будетъ ошибкой предположить, что этимъ преимуществомъ своимъ предъ старымъ учебникомъ новый курсъ г. Николина обязанъ умѣлому использованію имъ позднѣйшей литературы по вопросамъ языческихъ религій, гдѣ въ очень еще недавнее время появились такіе капитальные труды, какъ изслѣдованія проф. Глаголева, Введенскаго, переводный курсъ французскаго ученаго Шантепи-де-ля-Соссея и др. Считаемо долгомъ оговориться, что отдѣлъ этотъ мы выдѣлили вовсе не за тѣмъ, чтобы признать его явленіемъ исключительнымъ въ книгѣ г. Николина. Тѣмъ же самымъ свойствомъ, т.-е. сравнительнымъ богатствомъ содержанія въ большей или меньшей степени характеризуются и всѣ прочіе отдѣлы разбираемаго нами курса, въ которомъ каждый отдѣльный параграфъ представляетъ собою вполне законченную и содержательную статью,—фактъ, достаточно засвидѣтельствованный уже тѣмъ, что большинство ихъ было помѣщено въ видѣ отдѣльныхъ журнальныхъ статей въ различныхъ органахъ духовной печати.

Весьма замѣтныя улучшенія по сравненію съ старымъ учебникомъ новое пособіе даетъ такъ-же въ классификаціи,

изложеніи и критикѣ научно-философскихъ теорій о сущности и происхожденіи религіи, т.-е. въ такомъ отдѣлѣ, который, при отличающей его трудности содержанія, въ учебномъ руководствѣ Августина и изложень, сверхъ того, довольно безтолково и запутанно.

Въ рамкахъ строго опредѣленной программы довольно трудно быть современнымъ, и однако стремленіе къ современности весьма замѣтно проглядываетъ въ книгѣ г. Николина. Вы не найдете у него счетовъ со старой и теперь мало кому извѣстной гипотезой Циммермана относительно чудесъ при Ковчегѣ Завѣта; зато современная и очень модная теперь теорія эволюціи въ ея религіозномъ примѣненіи находитъ въ нашемъ авторѣ критика вдумчиваго и внимательнаго.—Непонятнымъ для насъ остается лишь то, почему составитель новаго курса совершенно устранилъ изъ него вопросъ о происхожденіи міра и человѣка въ связи съ изложеніемъ и разборомъ тѣхъ интереснѣйшихъ гипотезъ, какія породилъ этотъ вопросъ въ современномъ естествознаніи. Быть можетъ, это сдѣлано авторомъ въ томъ соображеніи, что предмету этому отводится подобающее вниманіе на урокахъ Догматическаго бог. Но во-первыхъ, тамъ точка зрѣнія догматическая совершенно закрываетъ собою цѣли апологетическія, а во-вторыхъ, оставаясь послѣдовательнымъ, авторъ долженъ бы былъ исключить изъ состава своего курса немало и другихъ вопросовъ на томъ основаніи, что они трактуются другими богословскими науками (такъ напр., вопросъ объ альтруизмѣ и гуманности и отличіи ихъ отъ любви христіанской разсматривается въ Нравственномъ бог.; изложеніе вѣроисповѣдныхъ особенностей протестантовъ въ вопросѣ о преданіи входитъ въ составъ науки Обличительнаго бог. и т. д.).

Въ заключеніе своихъ впечатлѣній, вынесенныхъ нами изъ ознакомленія съ новымъ курсомъ Апологетики, позволимъ себѣ сдѣлать еще одно—два мелкихъ замѣчанія.

Изложеніе въ книгѣ г. Николина, вообще говоря, не изъ легкихъ. Оно требуетъ чтенія вдумчиваго и сосредоточеннаго. Приучить учениковъ къ такого рода чтенію—задача сама по себѣ достойная преподавателя. Но такъ какъ учебникъ—книга, назначенная не только для чтенія и усвоенія, но и для изустной передачи, то простота и легкость изложенія

составляютъ въ немъ качества, значеніе и пользу которыхъ трудно даже и оцѣнить. Какъ скоро попытка къ свободной передачѣ той или другой трудно выраженной въ учебномъ руководствѣ мысли ученику не удастся, онъ обходитъ это затрудненіе, прибѣгая къ заучиванію наизусть, даже безъ яснаго представленія о смыслѣ заучиваемаго, отъ чего выходитъ уже „не польза, а только мука“. Мы заговорили объ этомъ лишь потому, что нѣкоторыя мѣста учебнаго курса г. Николина, на нашъ взглядъ, могутъ подать поводъ къ такого рода обращенію съ ними со стороны учениковъ. Не выискивая примѣровъ наиболѣе характерныхъ, мы приведемъ два-три наудачу. Уже на первыхъ страницахъ книги читателю приходится встрѣчаться съ такого рода нѣсколько тяжеловѣсными разсужденіями автора ея: „къ богословскимъ доказательствамъ, какъ и къ философскимъ, вполне приложимо требованіе правильнаго примѣненія общечеловѣческихъ законовъ мышленія. Достоверность ихъ опредѣляется логическою правильностію построенія обобщеній и умозаключеній подъ условіемъ соблюденія закона достаточнаго основанія“ и д. (стр. 8—9) или: „богословіе является наукою не только благодаря внѣшней научной формѣ своего изложенія, но и полной истинности и объективной дѣйствительности своего содержанія“ (стр. 7). На стр. 112 читаемъ: „ссылка на общечеловѣческое инстинктивное убѣжденіе не можетъ, конечно, имѣть значеніе (ія?) строго философскаго принципа. Но поскольку въ психической жизни инстинктъ вообще предшествуетъ сознательности, предвосхищая истину, не поддающуюся строго-методическому познанію, постольку мы можемъ положиться на него и при разсужденіи о всеобщности религіи“.

Указаніемъ на нѣкоторые, чисто внѣшніе, недосмотры, встрѣчающіеся въ книгѣ г. Николина, мы и закончимъ свои о ней замѣчанія. Объ этихъ недосмотрахъ не стоило бы и говорить, если бы они не создавали подчасъ нѣсколько неправильнаго смысла. Такъ, напр., доказывая всеобщность вѣры человѣческой въ Откровеніе, нашъ авторъ ссылается, между прочимъ, на Сократа и приводитъ изъ разговоровъ его съ софистами такого рода соображеніе: „когда афиняне вопрошаютъ боговъ, и боги отвѣчаютъ имъ чрезъ прорицателей, ужели не думаете вы, что на самомъ дѣлѣ они не

говорять вамъ тогда?“ Легко замѣтить, что приведенное въ такомъ видѣ изреченіе Сократа не только не служитъ доказательствомъ его вѣры въ Откровеніе, а скорѣе опровергаетъ существованіе въ немъ этой увѣренности. Что въ этихъ словахъ одно отрицаніе, измѣняющее весь смыслъ изреченія, совершенно лишнее, не трудно убѣдиться, сопоставивши ихъ съ подлинными словами греческаго мудреца, *ὅτι καὶ Ἰθνηναίοις πυνδαγομένοις τι δια ματικῆς φραζομένῃ, οὐ καὶ σοὶ δοκεῖ φραζεῖν αὐτοῦς*, т.-е. *θεοῦς*; см. Меморабілія Ксенофонта кн. 1, гл. 4).

Впрочемъ, и этотъ и другіе недосмотры, которые намъ пришлось замѣтить при чтеніи курса г. Николина, все такого рода, что они легко могутъ быть устранены при слѣдующемъ изданіи книги, котораго мы и пожелаемъ отъ души ея автору.

М. Из—мовъ.

